

Заключительное слово

С моей точки зрения, суммировать богатство этого симпозиума и невозможно, и не нужно. Вместо того, чтобы повторяться, пытаюсь делать это, правильное просто подумать о сказанном. И мне, как и другим, хочется подумать об этих трех днях, которые, я думаю, обогатили каждого. Меня, во всяком случае, они решительно обогатили и оставили во мне (как, я думаю, и в других) заряд того, о чем стоит подумать не только день или два, но достаточно долго. Эти дни также оставили в нас какое-то чувство связи, взаимной заинтересованности, независимо от согласия взглядов. Ведь взаимный интерес ученых очень часто возникает и при несогласиях, поскольку эти несогласия связаны с серьезным отношением к серьезным проблемам, с тем, что люди стараются понять, разобраться, мысленно двигаться куда-то.

Я думаю, что в течение этих трех дней мы слышали разные точки зрения, был сделан новый анализ, было представлено довольно много нового материала, прозвучали и разные научные языки, и разные способы понимания проблем. Было рассказано также, что, на мой взгляд, очень важно, о вкладах разных дисциплин в общую проблематику, разных подходах, которые эти дисциплины создают, а также о разных срезах одних и тех же проблем. И это тоже важно для того, чтобы понять, как жить по-новому.

Я хотел бы коротко сказать о том, что является для нас делом профессии и жизни, о тех характеристиках науки, которые выявились на этой встрече. В центре этого вопроса стоит особый ритм науки, особые характеристики отношений ученых и тот факт, что мы — особая группа людей, которая занимается особым делом. Мне кажется, что в России последних лет это чувство личности научного процесса в большой мере потерялось. Его забили частично текучкой, где люди мчатся вприпрыжку, чтобы побыстрее сказать что-то громкое;

забили выкриком, который заменяет собой размышление, если не ругательством, которое заменяет цивилизованный разговор, критическое размышление о том, как продвинуть вперед наше понимание проблемы. И в этом смысле особый ритм науки очень сильно чувствовался в этом зале. И у меня было не только чувство удовольствия от того, что я многому научился, но также ощущение воссоздания в какой-то мере нормальных форм взаимодействия ученых, которые очень часто терялись в последние годы. Мне довелось присутствовать на многих конференциях, которые не были похожи на встречи ученых, это качество где-то терялось.

Но признать, что у ученых особый ритм работы и жизни (когда это делается по-настоящему), — значит, одновременно признать, что у нас и особые опасности. Это, во-первых, упрощенчество, когда кажется, что "все просто". Я должен сказать, что такая нота прозвучала здесь раз или два — позиция, которая меня всегда выводит из себя — "это все просто". Я думаю, что это позиция чиновников или генералов, а для ученого — "это" всегда "не просто". И вопрос углубленности в проблему, и подход к ситуации с принятием трудности, а не ясности ее понимания, когда "все это не просто", с моей точки зрения, централен. Поясню на примере, что я имею в виду, когда говорю о борьбе с упрощением, о необходимости перебороть упрощение. Я думаю что теории разных видов прогресса — один из важных компонентов научного упрощенчества, которое убивает мышление, — это мысленная линия из "преисподней средневековья" в "величие сегодняшнего дня". И по этой линии где-то натыканы разные общества, причем русское общество отстало. Его надо немножко подтолкнуть, и все будет хорошо. Если хотите, это яркий пример грубого упрощенческого мышления. А ведь большинство россиян пока принимает или одну, или только другую обратную ей точку зрения. Мы должны отбиваться от этого всеми силами.

Второй элемент, с которым борется это настоящая наука, — это спекуляция, построенная на фактах, взятых, так сказать, с потолка. Я думаю, это относится к трем четвертям того, о чем говорится в данную минуту в России. Согласно Витгенштейну, когда нечего сказать, надо молчать. По-моему, о трех четвертях того, о чем говорится в России, следовало бы молчать, потому что на самом деле говорящие не знают, в чем дело. Причем, не знают не потому, что еще не успели проанализировать (хотя это тоже существует), но потому, что нет самых базовых фактов, самой базовой статистики, и ее никто не намеревается собирать. Вместо этого приходят и говорят: "А я думаю, что..." Подобное "я думаю, что" находится в центре обсуждений предмета и моего исследования: развития сельского хозяйства и крестьянства России. Эта страна, которая до конца 20-х годов возглавляла крестьяноведение всего мира, сейчас просто безобразно безграмотна в понимании своего сельского хозяйства и сельского населения, и ничего не делается, чтобы перебороть это. Нет никакой группы, которая где-то пробовала бы серьезно разобраться в этой проблеме, говоря

себе: "ну, хорошо, пусть не теперь, но хоть на следующий год мы это поймем". И когда начинается действительно новый анализ, то чаще его делают иностранцы, что еще более потрясает меня.

Еще один элемент, который российская наука, с моей точки зрения, должна перебороть, — это претензия на роль пророка, у которого есть ответ на все вопросы, потому что он специалист в определенной области. Он отвечает на такие вопросы, как, скажем, какова душа русского народа. Или — каково будущее России вообще, хотя он специалист, скажем, по индустриальному развитию. С этой позицией пророка часто соседствует и окрик бюрократа, вместо серьезного размышления и дискуссии. Это идеология быстрого передвижения, отношение к науке командира взвода пехоты: "У тебя 24 часа, ты что оглядываешься, побыстрее давай результаты!" А для нас "оглядываться" — самое главное. Сидеть, смотреть в окно и размышлять, потому что без этого никто науки не создавал и не создаст.

И последнее, на что я обращаю внимание, это "обида на факты". В последние дни в России прошла новая волна обиды на факты. Одним политикам не нравится их народ, который их, понимаете ли, подвел. Не они, политики, не сумели понять, не сумели разобраться, не умеют работать политически, создавать партийно-политические системы. Нет, это русский народ оказался глуп, вот что произошло. Дело же жизни ученых — не обижаться на факты, а размышлять о них и понимать их, и делать это профессионально, не от случая к случаю, а систематически, что всегда означает медленно. Это значит жить с пониманием сложности, амбивалентности отношений, жить в мире, в котором существуют разные возможности. Это трудно, но это надо принять. Подобный подход означает понимание возможности разных альтернатив развития, способность создавать новые понятия, собирать новые факты и на этой базе строить новые концепции.

Я думаю, что симпозиум в какой-то мере продвинул нас во всех этих направлениях. Я сторонник научного минимализма. Я не верю в решения, которые окончательны для науки, не верю и в симпозиумы, которые все решают и отвечают на все вопросы. Но если мы начали двигаться в сторону понимания важности проблемы, ее трудности, богатства ее содержания как для нас, так и для страны, то мы сделали что-то важное. И у меня глубокое чувство удовлетворенности тем, что мы в эту сторону продвинулись, работая в условиях симпозиума, т.е. вместе. И мы расстанемся с чувством, что опять сможем встретиться, продолжать работать вместе. Поэтому то, что произошло, есть элемент не только настоящего, но и будущего: ясно, что есть место для дальнейших симпозиумов по данной проблеме, что участники этой дискуссии захотят снова встретиться. Ясно и то, что надо печатать материалы симпозиума, чтобы расширить круг людей, которые на эти темы спорят. И я уверен, что здесь никто не будет против этого возражать, потому что мы заканчиваем симпозиум с общим чувством удовлетворенности, хотя каждый, наверное, найдет слабости и в его

организации, и в том, как он проходил. Эти недостатки, конечно, будут исправляться, но они не главное в нашем деле.

В заключение я хочу сказать о том, что Интерцентр намерен делать дальше. Мы кончаем первый год работы. Мы посвятили этот год попытке создать мультидисциплинарный научный центр, который строится на фундаментальных долгосрочных исследованиях и медленном размышлении, где не спешат. Это означает создание таких условий для ученых, где их никто не толкает, и где администрация существует для ученых, а не ученые для администрации. И кажется, что удача этого эксперимента подтверждается данным симпозиумом: мы создали структуру, которая работает. Причем это не статика, мы уже движемся дальше, потому что "на огонек" сходятся все больше людей. Как много интересных проектов вышло на нас в течение этого года! Люди сходятся, приносят проекты по проблемам, о которых мы никогда не думали, и часть из них мы можем осуществить. Новые задачи, новые мысли, новые организации, новые семинары — все это идет на нас волной, куда более сильной, чем то, что мы можем осуществить, но часть этого осуществить мы можем. А в центре наших планов на будущее — создание университета, западного по структуре и российского по составу. Университета, который даст нам, я надеюсь, не только возможность собирать ученых, но и готовить новых ученых. И продвигать вперед дело науки не только взаимопомощью, но также созданием нового поколения исследователей.

Все мы прошли недавно через напряжение выборов и последующих политических событий. Но я хотел бы предложить вам вот какой лозунг: "Правительства приходят и уходят, а наука остается". Об этих правительствах забудут, а университеты будут продолжать действовать. Правительства выдерживают две недели или два года, а университеты держатся 600 лет и больше. И в этом суть нашего дела.